

Возвращение Михаила Арцыбашева

Арцыбашев М. П. Наш третий клад: Повести и рассказы. Роман. Записки писателя / Сост., вступ. ст., примеч. Т. Ф. Прокопова. -- М.: Школа-Пресс. 1996

[OCR Бычков М. Н.](#)

Когда на чужбине, в Варшаве, одного года не дожив до пятидесяти, скончался в зените своей славы Михаил Петрович Арцыбашев (это случилось в солнечный весенний день 3 марта 1927 года), скорбное это событие на родине, в горячо им любимой России, журнал "Огонек" отметил публикацией портрета, а под ним поместил строки, которые нам стыдно сегодня читать, настолько кощунственны они и безнравственны: "За границей умер М. П. Арцыбашев. Вряд ли кто-нибудь из русской читающей публики горевал о смерти этого столь знаменитого в свое время русского беллетриста..."

В том-то и дело, что горевали и заботились о том, как достойно почтить память ушедшего, самозабвенно поработавшего во славу русской литературы. Лучшая память о писателе -- его книги. Потому-то в издательстве "Земля и Фабрика" приняли простое и прекрасное, а вместе с тем и рискованное по тем жестоким временам решение -- срочно издать однотомник его избранных произведений. Сборник "Смерть Ланде" стал последней книгой Арцыбашева, вышедшей на родине.

Для русского литературного зарубежья преждевременная смерть Арцыбашева была воспринята как одна из самых горестных утрат, на которую отозвались и друзья, и недруги. Отозвались высокими и искренними словами Дмитрий Философов и Александр Амфитеатров, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский, Максим Горький и Петр Пильский, десятки других писателей, читателей, почитателей. В Варшаве был спешно выпущен сборник статей памяти М. П. Арцыбашева "Неугасимая лампада". Парижский литературский кружок у Мережковских "Зеленая лампа" прервал свое заседание, получив известие о кончине Арцыбашева. "...Я прошу, -- взволнованно сказала З. Н. Гиппиус, -- ради тех, которые здесь, может быть, понимают, что такое Человек, Любовь, Смерть, -- я прошу нескольких секунд полного молчания. Тридцать секунд, по часам, -- не больше..." Зинаида Николаевна никогда не была почитателем книг Арцыбашева, но она была в числе тех, кто отдавал должное его несомненному художественному дару и -- высоким его человеческим качествам. Потому-то так искренне, правдиво и горячо прозвучали ее печальные слова, сказанные об Арцыбашеве на этом заседании "Зеленой лампы":

"Человек. Любил родину просто: как любят мать. Ненавидел ее истязателей. Боролся с ними лицом к лицу, ни пяди не отступая, не отходя от материнской постели. Шесть лет. Потом был физически выкинут вон. Остался у дверей. И продолжал то же... Он совершенно просто отдал своей любви все, что имел. Ведь не в том дело, чтобы дать много или мало, -- да и кто судьи? -- а в том, чтобы отдать все. Все, что имеешь, все, что у тебя есть, ничего не пожалеть, даже жизни своей.

Арцыбашев-человек так и сделал.

За Россию он боролся по всему своему уменью, по всему своему разумению, всего себя, каким был, на эту борьбу положил, с естественностью ничего себе не оставив, для себя не сохранив. Не думал ни о каком "геройстве", как не думает солдат на фронте, в огне: да и геройство ли это? А если это лишь человеческое?..

Как солдат на фронте умирает просто, так же просто, в чистой рубашке, умер и Арцыбашев, отдав все свое, вплоть до жизни, -- своей единой любви".

В прижизненной творческой судьбе Арцыбашева было все, как и у других талантливых людей: и слава была, да такая, что облетела весь мир; и хула была, подрывавшая силы, заставлявшая байронически гордо замыкаться в себе. Едва ли не всех своих современников опередил Арцыбашев по количеству о нем написанного: только за девятнадцать лет его творческой деятельности (до вынужденного бегства в изгнание в 1923 году) опубликовано ему посвященных 146 книг и крупных газетно-журнальных статей, помимо бесчисленного числа информационных упоминаний по различным поводам. Если раскинуть эти цифры по дням и годам, то получится, что редкая неделя выпадала без того, чтобы где-нибудь и кто-нибудь обязательно или не упомянул, или не обругал, или не вознес до облаков Михаила Петровича Арцыбашева.

Но вдруг эта лавина пылких споров вокруг книг одного из самых популярных беллетристов начала века оборвалась и рассыпалась. Случилось это сразу же после революции 1917-го. Вокруг его недавно звонкого имени наступила в критике -- теперь уже на многие и многие годы -- тишина столь